

И ВСЁ ВЕРНЕТСЯ...

ДАЧА

Снежок присыпал пеплом грядки –
В Помпеи, усмехаясь, рядит.
Забора серая оградка,
Травы иссохшиеся пряди.

Снежок недолог, недотёпа,
Стекает с желтизны укропа,
Вороньего не слышно трёпа,
Размокшая скользит тропа.

Остывший ватник пахнет тленом.
Камина нет, но есть полена,
И городская эта Лена
В короткой юбке до пупа.

Она щебечет, что не хочет.
Вино струёй тугой течёт,
Холодной кружки край щекочет.
Рука ложится на плечо.

Потом, конечно, Карамзин –
Забавы сплошь, Эраст и Лиза,
Среди разошедшихся корзин.
Финал, крещендо, уже близок...

Волос серебряная рамка.
Дымят в костре сырые ветки,
Ретвиты постит: «Оль, приветик».

Сорок пустая перебранка.

СОСЕД

Вдалеке горизонт прорастает трубами,
Через поле протоптано много троп.
Жизнь бывает порою
довольно грубая:
Табуретки пустые.

Выносят гроб.

Голосит вдовица неполных лет.
После трёх десятков – одно лицо.
Палисадник. Рядом – с кролями клеть.
Теребит старуха с ключом кольцо.

Шёпот будет позже, когда в столовой,
После третьей, а может, уже второй,
Выйдет брат, икая, совсем соловый,
Утешать вдовицы слезливый вой.

Всё закончат тётки.

Потом помянут.

Сбив платки к затылку,
нальют по третьей.
Малолетний бродит в углу племянник,
Рядом чьи-то ходят чужие дети.

Покряхтят старухи.

Придёт сосед.

За поллитрой сходит, закуски хватит.
Пусть он любит выпить,
пускай он сед,

Отчим нужен сыну, хозяин в хате.

Подоконник розовым красит тени,
Мимо ходят мамы, гуляют дети.

А у них не вышло. А он хотел
В телефонной трубке услышать:
«Папа,
Я сегодня в школе. Успел. Поел».
«Ходит кот топтыжка
на мягких лапах».
Он ей песню эту так часто пел...

3

Ночи дольше, и вечер уже в четыре
Тянет тени веток, и листья ветер
Поднимает к небу. Мишени в тире
Сняты на зиму. Солнце лениво светит.

Замерзая утром в своей квартире,
Варит больше кофе, влезает в свитер
И ладони прячет.
Слегка горчит, остывая, кофе.
Собака спит.

На стене, где фото, оставив след,
Просто, снятое, заняло красный угол,
Память он оставил, а фото – нет.
На диване пёс. Смотрят друг на друга,
Он тихонько псу говорит: «Привет,
Пёс. Где нынче твоя подруга?»
Пёс зеваает, лапы сложив на плед.

4

Говорят, всё было. И всё вернётся.
Он глядит в окно, где газетой ветер
Не играет, может быть, но смеётся
Над колонкой сплетен,
и всем им верит.

Может, ветер принял её за лист,
За листок, что с древа
стряхнул нам аспид.
А кленовый жёлтый щербатый – вниз
С клёна канул в лужу,
где, мокрый, гаснет.

Их несчётно много, там, за окном.
Ветер носит с собой их, роняя с веток.

В доме тихо за еврорамой. Но –
Доверять не стоит. И верить слепо.

Он стоит под картиной. Холмы. Поля.
На столе спиртовка. Кофейной страсти
Разделяя верность – джезва и ряд
Зёрен чёрных щепоти из горсти.

На диване пёс. Сеттер в сетке пятен.
Он не спит, но слушает ветер, мышью
Жизнь – от него не спрятать
Запах меха, кешью, гнезда и трепет.

Телефон умолкший ещё хранит
Не тепло дыханья его, но эхо
Той, которая тянет нить
Страсти, стонов, глухого смеха.

Он налёт им кофе. Поднимет фото.
Пьёт не чокаясь – с нею.
Уже пять лет.

За окном багровые листья фоном
Его счастья, может. А может, нет.

5

Осень бьётся в стекло дождём,
Как в хозяина пастью щенная сука.
За столом он на кухне ждёт,
Жжёт свечу, отгоняет сумрак.

Шепчет радио что-то, наверно, джаз.
Огонёк спиртовки, застывший синим
Не цветком – бутоном. Отключен газ,
На газоне утром он видел иней.

Осень ближе.

Модница, в ярко-жёлтом.
На диване куртка, на ней собака
Притворилась – спит,
чтобы не тревожить,
Грустно смотрит в небо, на облака.

На столе газета. Сквозняк от двери,
Словно пальцы хозяина.

Лист шуршит,
Пёс еще не знает. Хозяин верит,
Но, как всякий, осенью, не спешит.

